

Леонтьева Ксения Ивановна

ВОЛЬНОСТЬ И БУКВАЛИЗМ ПРИ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ДИХОТОМИЯ ИЛИ АНТИНОМИЯ?

Статус и цели буквальных и вольных переводов в культуре языка перевода различны из-за полярной векторной ориентации на форму/содержание и одну из культур. В статье анализируются различные точки зрения на их соотношение. При этом вольный и буквальный перевод являются не взаимоисключающими дихотомиями, а диалектическими антиномиями. Кроме того, вольный перевод, как и буквализм, абсолютизирует один из аспектов оригинала (прагматический компонент), и его можно рассматривать как прагматический вид буквализма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 101-104. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

MACRO-CONCEPTS "LAW" AND "MORALITY": "CONFLICT FIGURES" IN INTERACTION FIELD

Ol'ga Nikolaevna Kushnir, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Documentation and Archival Studies and Applied Linguistics
Komi Republic Academy of Public Service and Management
info17275@mail.ru

The author presents the analysis of the macro-concepts which make up the little researched phenomena of the concept sphere "Law" in their interconnection with other spheres of human life and pays special attention to the "interaction field" of the juridical and ethical spheres within the limits of the macro-concept "Law".

Key words and phrases: juridical lingo-conceptology; macro-concept; law; morality.

УДК 81'255.2:82.1

Статус и цели буквальных и вольных переводов в культуре языка перевода различны из-за полярной векторной ориентации на форму/содержание и одну из культур. В статье анализируются различные точки зрения на их соотношение. При этом вольный и буквальный перевод являются не взаимоисключающими дихотомиями, а диалектическими антиномиями. Кроме того, вольный перевод, как и буквализм, абсолютизирует один из аспектов оригинала (прагматический компонент), и его можно рассматривать как прагматический вид буквализма.

Ключевые слова и фразы: поэтический перевод; вольный перевод; буквальный перевод; формализм; сенсуализм; стратегия и метод перевода.

Ксения Ивановна Леонтьева

Кафедра английского языка и перевода
Смоленский гуманитарный университет
ksenja_leontieva@mail.ru

**ВОЛЬНОСТЬ И БУКВАЛИЗМ ПРИ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ:
ДИХОТОМИЯ ИЛИ АНТИНОМИЯ?®**

Поэтический текст - это сложная семантически и информационно сверхконцентрированная структура, состоящая из двух взаимодействующих и взаимосвязанных субстанций (форма и содержание). Передать весь информативный комплекс ввиду такой усложненности при переводе практически невозможно. Приоритет отдается тем или иным элементам структуры на основе осознанного выбора формально-функциональных и семантико-концептуальных доминант смысла и языковой линейной манифестации. На базе этой истолковательной ставки переводчика определяется стратегия и метод перевода, которые в зависимости от формального или смыслового вектора развития подлинника колеблются между максимумами «формалистического буквализма» и «вольного сенсуализма» (термины П. М. Топера) [12, с. 213-214].

Два этих пограничных метода - это не только различные техники перевода, но и принципиально различные стратегии интерпретации с точки зрения восприятия соотношения смысла и формы. Вовлеченность переводчика в процесс творческой реконцептуализации действительности, отраженной в оригинале, в новой языковой оболочке, его главенство или второстепенная роль по отношению к переводимому автору варьируется между «самодержавной субъективностью» и «вассальной службой при оригинале» [1, с. 155].

Оппозиция «вольность/буквализм» получила различные трактовки и оценки в теории перевода. Сторонниками буквализма выступали такие известные переводчики как В. Я. Брюсов, М. Л. Лозинский, В. В. Набоков, а приверженцами вольного перевода - например, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, Б. Л. Пастернак. Сами понятия «буквальный» и «вольный» в теории также получили различные названия. Но в основном все концепции сводятся к выделению бинарной оппозиции - переводы, ориентированные на форму оригинала и исходную культуру, и переводы, ориентированные на содержание оригинала и на переводящую культуру.

Учет социокультурного фактора в данном случае необходим. «Среда обитания» оригинала и перевода - это две различные культуры, и рассмотрение перевода в отрыве от культуры методологически неверно. Каждая культура включает собственный литературный дискурс с присущими только ему интертекстуальными связями и поэтическими канонами. Буквальные и вольные переводы имеют противоположную векторную ориентацию (на культуру и литературу языка оригинала или языка перевода), встраиваются в разные литературные дискурсы внутри единой принимающей культуры, и их статус в ней будет различен.

По справедливому замечанию Н. М. Нестеровой [10, с. 318-319], вольные переводы, адаптируясь к новым лингвокультурным координатам, часто становятся артефактами этой культуры. Например, баллада «Лесной царь» В. А. Жуковского воспринимается многими читателями, которым неизвестно, что это

перевод из В. Гёте, как исконное достояние русской поэтической традиции. Однако это не умаляет эстетического великолепия этого перевода, и лучше перевести В. Гёте, наверное, не смог бы никто.

Напротив, буквальный перевод - это «окно в другой языковой и смысловой универсум», средство расширения, обогащения выразительных возможностей языка и культуры принимающей среды, поэтому они, как правило, остаются в ней маргинальными [Там же, с. 309, 319]. На это указывал, например, Ю. А. Сорокин, выделяя по критерию «идиотехнология» (стратегия перевода в его терминологии), не автохтонные тексты, при чтении которых возникает интуитивное ощущение чужеродности и чужестильности речевого и неречевого материала, и автохтонные тексты, при чтении которых «приходится напоминать себе, что это - слепок с оригинала, настолько целостно-естественной оказывается не только фактура этого материала, но и характер опредмеченного в нем мировосприятия» [11, с. 45].

В концепции А. Лефевра, известного представителя лингвокультурологической теории перевода (*translational studies*), оппозиция «буквализм/вольность» понимается как антиномия *translatio/traductio* [16, p. 5]. Стратегия *translatio* сводится к максимально точной передаче элементов и структур оригинала (тотальная эквивалентность), но подобный идеал верного перевода принципиально недостижим с учетом разницы языковых и культурных систем. При *traductio* напротив происходит культурный перенос, ассимиляция подлинника в принимающей культуре, что предполагает максимально свободное обращение с оригиналом, при котором пределы его трансформаций и модуляций ничем не ограничены. С точки зрения А. Лефевра вторая стратегия оптимальна, т.к. учитывает не только лингвистические факторы. Сам термин шире привычного термина «вольный перевод», т.к. кроме традиционного языкового перевода предполагает культурный перенос и обогащение национальной литературной традиции, идеологии и языковой картины мира языка перевода.

Дж. Хаус [15] также выделяет два типа перевода. *Открытый (overt)* перевод ориентирован исключительно на оригинал, на презумпцию сохранения его формы и соответственно исключает возможность адаптации к социокультурному контексту языка перевода. Подобный перевод неизбежно содержит маркеры принадлежности к чужому языку и культуре. А противоположный тип - *скрытый (covert)* перевод - на прагматическом уровне вообще сложно назвать переводом, т.к. он функционирует в культуре переводящего языка скорее как самостоятельный независимый, т.е. первичный текст. Это крайняя степень проявления вольной стратегии.

Схожие точки зрения можно найти у представителей интерпретационной теории перевода. Ю. А. Сорокин выделяет *автохтонные* и *неавтохтонные* переводы [11, с. 45]. И. Э. Ключанов с учетом культурного фактора разграничивает *адаптивный* и *резистивный* переводы. Адаптивный перевод направлен на семантику и прагматику и сводится к подключению различных компенсаторных механизмов, которые центрированы на культуре реципиента. Резистивный перевод напротив направлен на форму и центрирован на культуре оригинала, что помогает оригинальным знакам сопротивляться воздействию принимающего коммуникативного универсума [6, с. 72-73].

В когнитивных теориях перевода также прослеживается оппозиция вольного и буквального перевода. Например, Э. Либс выделяет *эмоционально-имплицитную* и *когнитивно-эксплицитную* стратегии. Когнитивная экспликация направлена на передачу выраженных в лингвистической материи концептов на уровне семантики (это когнитивный или семантический буквализм). А импликация эмоциональных ощущений делает акцент не на слова, а на текстуру, эмоционально-эстетический эффект текста [17, p. 21], это стратегия функционально-прагматической вольности.

Таким образом, в целом соперничество формы и содержания при переводе поэзии неизбежно выливается в сдвиге приоритета в сторону либо буквализма, либо вольного перевода. Однако обособленно ни одна из этих стратегий не встречается в реальной переводческой практике, это своеобразная аналитическая шкала, в пределах которой варьируются фактические решения переводчика. Как пишет Н. Л. Галеева, «буквализм и вольность в «чистом» виде - не более чем метафора», поэтому говорить следует скорее о некоем «гибридном переводе, разумно сочетающем буквализм и вольность» [3, с. 130-131]. При этом, воспринимать обе стратегии в негативном ключе методологически неверно.

Так, по мнению Н. М. Нестеровой, буквальный перевод - это не какой-то «недотрансформированный» перевод. Напротив, он сохраняет «природу чужого языка», позволяет увидеть «способ производства значения в оригинале» [10, с. 17], найти «ключи» к процессам оригинальной семантизации, что снижает степень неопределенности перевода и не «уводит в сторону» от оригинального смысла подобно вольному переводу [Там же, с. 318-319].

В. Беньямин в защиту буквализма пишет следующее: «Настоящий перевод прозрачен, он не заслоняет собой оригинал, не закрывает ему свет, а наоборот, позволяет чистому языку, как бы усиленному его опосредованием, сообщать оригиналу свое сияние более полно. Это достигается, прежде всего, благодаря дословности в передаче синтаксиса <...> Ибо если предложение - стена перед языком оригинала, то дословность - аркада» [2, с. 105].

С точки зрения В. В. Набокова, буквальный перевод (а для него только он истинно верный) следует не только за прямым смыслом слова или предложения, но и за смыслом подразумеваемого, т.е. это семантически точная интерпретация. «Перевод может быть и часто бывает лексическим и структурным, но буквальным он станет лишь при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонации текста оригинала» [9, с. 555].

Но такой буквализм предполагает уже не формальную эквивалентность, а полную гармонию смыслов субстанции содержания и субстанции формы. Поэтому, на наш взгляд, из анализа этих концепций видно, что широкое понятие «буквальный перевод» зачастую неверно отождествляют с его крайними проявлениями.

Абсолютизация какого-либо одного аспекта поэзии неизменно приводит к одному из трёх видов буквализма - семантическому, стилистическому или прагматическому [4; 5]. Семантический буквализм как «добросовестный» перевод последовательно реализуется в подстрочнике. Это и есть буквализм в традиционном понимании, так называемый *word-for-word translation*, где единицами перевода выступают слова в отрыве от контекста. К. И. Чуковский называл подобную ориентацию на внешнюю формальную точность, калькирование синтаксиса или лексики оригинала «механистическим», «рабственным» переводом [13, с. 65]. По его мнению, точная, буквальная копия - это «самый неточный, самый лживый из всех переводов» [Там же, с. 64]. Формальные установки как самоцель - это «непрощаемый грех» в искусстве [Там же, с. 248]: «Если вы максимально точно передадите каждое слово, но не передадите его поэтичность, достигнутая вами точность будет равняться нулю», и быть верным оригиналу нужно только там, где «верность и точность не вредит художественному впечатлению» [Там же, с. 92, 106].

Распространено и понимание буквализма как педантичной передачи второстепенных стилистических особенностей ценой потери живой целостности стиха. Это эстетический буквализм. Как подчеркивал К. И. Чуковский, «поразительно дурны» бывают переводы, которые «поражают своим необыкновенным сходством с прекрасным подлинником, но не воспроизводят их красоты», их «поэтического обаяния», «поэтического аромата» [Там же, с. 95, 99]. В них «исчезает главное: жизнь. Остается мертвая мозаика» [Там же, с. 433]. Об этом говорил и Л. М. Мкртчян, отмечая, что некоторые переводчики и критики «мечтают о посмертных масках с подлинника, предварительно умерщвленных переводчиком» [8, с. 18]. Подобные «научные», «академические» переводы не «передают золота, чуда поэзии» [Там же, с. 13]. Следовательно, поэтическими такие переводы назвать нельзя.

Е. Г. Эткинд в этом отношении предлагал различать «вербальную точность» (формализм, калькирование подлинника) и «подлинную творческую близость» [14, с. 106]. Внешняя вербальная точность губительна для поэзии более всего: она просто ведет к её ликвидации, а истинной близости, «близости по существу, близости поэтической» [Там же, с. 102] можно добиться только через формальную удаленность. Действительно, перевод должен быть не искусственным продуктом, лишенным эстетики и красоты, а истинно живой поэзией, воспринимаемой читателем переводной литературы также естественно, как и оригинал в исходном литературном дискурсе.

Об этом прекрасно сказал В. В. Левик: «Из-за желания втиснуть в перевод все слова подлинника разрушаются основные синтаксические связи, слова попадают не на своё место, и взамен ясных и точных строк оригинала получается нечто смутное и невыразительное, если не просто безграмотное. Точность перевода вообще не может быть мерилем его художественности. Нередки случаи, когда иноязычная строфа вполне укладывается в русскую с соблюдением всех норм языковой и стихотворной грамотности, и всё же мы говорим: «Да, перевод точный, но скучно читать - никакого полёта!»... Вместо живого, одушевленного портрета перед нами бездушная копия» [7, с. 255].

Таким образом, итогом поэтического перевода должно стать некое гармоничное художественное *целое*, которое не равно сумме частей и никогда не будет сводиться к одностороннему воспроизведению каких-либо частных структурных элементов оригинала, будь то семантические, когнитивные или формальные единицы. Только когда переводчик сумеет «сохранить широкий синтетический взгляд на целое», он окажется «точным в самом высоком смысле этого слова» [Там же, с. 258]. Истинная точность - «в динамической полноте», а не в «статической однородности» [Там же, с. 262].

Оценивать перевод нужно не построчно или построчно, а текстуально, в целом. Тем не менее, подобный перевод в рамках вольной стратегии, как и буквализм, также не лишен определенной степени абсолютизации - в абсолют здесь возводится целостность, общая эстетическая ценность подлинника, его прагматическое ядро. И по этой причине, на наш взгляд, подобный эстетический сенсуализм также можно рассматривать в рамках буквализма - как его прагматическую разновидность.

Из этого можно сделать следующий вывод. При переводе поэзии вольность и буквализм не являются взаимоисключающими методами. Напротив, только в результате комплексной стратегии, где в отношении каждого важного элемента метод варьируется в том или ином направлении по шкале «вольность - буквализм», возможно воссоздание гармоничного целого. Здесь речь идет не о формальном буквализме (назовем его формализмом), а о буквализме художественном. И эта художественная точность недостижима без определенной вольности, без творческой свободы переводчика, но эта свобода должна быть ограничена рациональными рамками и не переходить в «отсебятину», абсолютно чуждую стилю переводимого автора и концептуальной программе стихотворения.

Базовые показатели художественной ценности, точности и верности перевода - это поэтическое качество, эстетическая красота и гармония стиха как целого. Как писал К. И. Чуковский, «ямбы надо переводить ямбами, хорей - хорейми, но красоту надо переводить красотой» [Цит. по: Там же, с. 274]. Переводные стихи должны звучать как оригинальные русские стихотворения, что возможно только при рациональном совмещении вольного и буквального методов. Поэтому рассматривать вольность и буквализм следует скорее не как взаимоисключающие дихотомии¹, а как диалектическую антиномию².

В ином случае даже при самой совершенной формалистической точности мы получим «бездушный «восковой» слепок» [14, с. 115] оригинала, который скучно и неинтересно читать, а выход переводчика за

¹ Дихотомия – два противоречащих друг другу понятия, которые полностью взаимоисключают друг друга.

² Антиномия – синоним противоречия; два высказывания, отрицающие друг друга, но при этом вытекающие одно из другого и одинаково доказуемые.

рамки дозволенной вольности приведет к подмене личности автора личностью переводчика. Подобные переводы никогда не станут полноправными объектами литературы и культуры языка перевода, не смогут заставить полюбить поэта, а это означает, что основная цель перевода не достигнута и перевод как коммуникативный акт не состоялся.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Размышления над переводами Жуковского // Аверинцев С. С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 137-164.
2. **Беньямин В.** Задача переводчика: предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера // Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб.: Академический проект, 2002. С. 87-111.
3. **Галеева Н. Л.** Дихотомии в переводческой деятельности // Космополис. М.: МГИМО, 2006. № 1 (15). С. 127-133.
4. **Гаспаров М. Л.** Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 29-62.
5. **Гончаренко С. Ф.** Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 108-111.
6. **Клюканов И. Э.** Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. Тверь, 1998. 99 с.
7. **Левик В. В.** О точности и верности // Мастерство перевода: сборник статей. М.: Советский писатель, 1959. Вып. 1. С. 254-275.
8. **Мкртчян М. Л.** Поэзия в переводе // Мастерство перевода: сборник статей. М.: Советский писатель, 1970. Вып. 6. С. 5-46.
9. **Набоков В. В.** Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 928 с.
10. **Нестерова Н. М.** Вторичность как онтологическое свойство перевода: дисс. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2005. 368 с.
11. **Сорокин Ю. А.** Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
12. **Топер П. М.** Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.
13. **Чуковский К. И.** Высокое искусство. М.: Азбука-классика; Авалонь, 2008. 448 с.
14. **Эткинд Е. Г.** О поэтической верности // Мастерство перевода: сборник статей. М.: Советский писатель, 1963. Вып. 2. С. 97-150.
15. **House J.** Translation Quality Assessment: a Model Revisited. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1997. 222 p.
16. **Lefevere A., Bassnett S.** Where Are We in Translation Studies? // Constructing Cultures: essays on literary translation / ed. by S. Bassnett & A. Lefevere. Toronto: Multilingual Matters, 1998. P. 1-24.
17. **Liebs E.** A Philosophy of Translating as a Literary Subject // Translation of Poetry and Poetic Prose: proceedings of Nobel symposium 110 / ed. by Sture Allén. New York - London: World Scientific, 1999. P. 15-30.

LIBERTY AND OVER-LITERAL RENDERING OF POETIC TRANSLATION: DICHOTOMY OR ANTINOMY?

Kseniya Ivanovna Leont'eva

*Department of English Language and Translation
Smolensk Classical University
ksenja_leontieva@mail.ru*

The status and purposes of word for word and loose translations in translation language culture are different due to the polar vector orientation to form/content and one of the cultures. The author analyzes different points of view concerning their correlation. At the same time word for word and loose translations are not mutually exclusive dichotomies but dialectic antinomies. Besides loose translation as well as over-literal rendering absolutizes one of the aspects of the original (pragmatic component) and can be considered as a pragmatic type of over-literal rendering.

Key words and phrases: poetic translation; loose translation; word for word translation; formalism; sensualism; translation strategy and method.

УДК 81-23

Статья посвящена рассмотрению формирования базовых концептов 'время' и 'движение' и их отражения в языке. Освещается точка зрения философии и лингвистики на вопрос осмысления данных ментальных структур. Кроме того, показана взаимосвязь 'пространства', 'времени' и 'движения'.

Ключевые слова и фразы: базовый концепт; базовая категория; время; движение; пространство.

Наталья Владимировна Лягушкина, к. филол. н., доцент
*Кафедра западноевропейских языков и переводоведения
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет
nwl2002@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТОВ: ВРЕМЯ И ДВИЖЕНИЕ©

Современная лингвистика активно занимается изучением базовых когнитивных категорий, таких как 'пространство', 'время', 'движение' и др. Понятия 'время' и 'движение' служат предметом многих научных исследований как в нашей стране, так и за рубежом. Важно отметить, что данные категории выдвигаются на